
А. Д. ИОСЕЛИАНИ

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ЦЕННОСТИ В СВЯЩЕННОПИСАНИЯХ ВОСТОКА

Статья является частью серии исследований, где изучается соотношение экологического сознания и научной рациональности в священных текстах всех мировых религий.

В данной части работы показано, как и в каких формах религии Востока осознавали и предугадывали проблемы, возникающие сегодня между человеком и природой.

Ключевые слова: общественное сознание, экологическое сознание, экологический кризис, религия, духовные ценности, глобализация, традиции, христианство, Библия, ислам, Коран, Восток, восточные религии.

Масштабы и характер глобализации, имеющей место в современной цивилизации, ставит задачу исследования роли религии и веры в процессах глобализации.

В современном глобализирующемся мире особенно важную роль играет наука, научно-технический прогресс, так как новейшие достижения науки и техники значительно влияют на духовность человека и общества. Исторический процесс глобализации в нашу эпоху приобрел лавинообразную форму. Это можно объяснить различными объективными причинами, среди которых небыло быстрого темпа научно-технического прогресса. По оценке Питирима Сорокина, если за 1300 лет античной цивилизации в западном мире было сделано 243 естественно-научных открытия и 107 технических изобретений, то в Средние века эта волна спадает: за 850 лет – 31 открытие и 49 технических изобретений. Однако за 400 лет предындустриальной цивилизации темп прогресса резко нарастает – 1153 открытия и 489 изобретений¹. Этот темп развития сегодня еще больше ускоряется.

¹ Статистическая информация приводится по книге: Яковец Ю. В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. – М., 1999.

Процессы массовой компьютеризации современного общества влияют на формы и характер коммуникации между людьми. Включение всего человечества в единую информационную систему может помочь раскрытию творческого потенциала личности и осуществить синтез между всеми видами творческой деятельности человека. Однако не секрет, что научно-технический прогресс сегодня приводит к экологическим, духовным, психологическим и другим проблемам, которые в целом можно назвать кризисом культуры. Плоды науки часто употреблялись и употребляются во вред человечеству, а нерациональное использование сотворенных человеческим разумом достижений превращается в реальную угрозу гибели всего живого. А если наука становится также и свободной по отношению к проблемам прав человека, религиозным ценностям и ценностям личности, то это несет с собой угрозу появления очень негуманного мира и уничтожения самого человека с помощью его собственных технических и научных достижений.

Существенным элементом процесса глобализации и жизнедеятельности общества выступает связь между технической рациональностью и религиозным сознанием. Встраивание религиозно-экологического дискурса в проблему глобальной техносферы² углубляет ценностно-гуманистический социальный анализ и ведет к более глубокому пониманию диалектики технического и ценностного.

Религия как неотъемлемая и значимая форма общественного сознания занимает уникальное место в системе современной, информационной и секуляризированной культуры. Она по-прежнему играет существенную роль в жизни множества людей. Человеку присущи религиозное чувство и потребность в нем, стремление к самопознанию, поиску смысла жизни, и в этом поиске одни обращаются к науке, другие – к материальным благам, третьи – к искусству, многие же – к религии.

Соотношение научной рациональности и европейских христианских религиозных ценностей сквозь призму *экологического сознания* более подробно мы рассматриваем в других работах³. Данная

² Данный дискурс развит в работе: Иоселиани А. Д. Техносфера в контексте глобализации // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 1. – С. 248.

³ Иоселиани А. Д. Генезис экологического сознания в христианской традиции // Гуманитарные науки. Вестник Финнуниверситета. – 2012. – № 1; Она же. Теоретические и социальные основы техносферы. – М., 2004 и др.

же статья является продолжением размышлений о диалоге научной стратегии и религиозных доктрин ислама и других восточных религий.

В ранних работах мы высказывали идею о том, что библейская традиция в контексте экологического сознания может быть оценена как протоэкологический текст, что в ней есть идеи и суждения о том, что природу, данную Богом человеку для пользования, необходимо беречь, сохранять. В подтверждение нашей мысли можно привести слова из Библии, которые звучат как призыв движения «зеленых»: «Не порти дерев его (завоеванного города), от которых можно питаться, и не опустошай окрестностей; ибо дерево на поле не человек, чтобы могло уйти от тебя в укрепление»⁴. И не только как этическая норма должно усматриваться обращение Моисея к воинам: «Кроме оружия твоего должна быть у тебя лопата; когда будешь садиться вне стана, выкопай ею яму, и опять зарой ею испражнение твое»⁵. В Библии находим прямое указание на то, что Бог поселил человека в Саду Эдема, «чтобы возделывать и хранить его»⁶.

Самое четкое указание, даже угрозу человечеству в случае уничтожения земли как Божьего творения мы находим в Библии: «...пришел гнев Твой и время... погубить губивших землю»⁷. Эти слова можно оценить как предупреждение о неизбежной глобальной катастрофе, к которой цивилизация подводит самое себя. Исходя из библейского откровения, человек в ответе за уничтожение условий для жизни на Земле. С точки зрения науки это означает, что если будут исчерпаны необходимые условия для жизни на планете и в ее слоях (в атмосфере, гидросфере, литосфере), то, естественно, исчезнет и все биологическое, в том числе и человек.

Кризис европейской цивилизации оценивается одновременно как кризис христианской культуры. Это обстоятельство заставляет обратиться к анализу религии Аллаха, которая не несет ответственности за распространение европейских стандартов цивилизации и в этом смысле может быть понята как экологически безопасная

⁴ Ветхий Завет. Второзаконие Моисея 20:19.

⁵ Там же 22:13.

⁶ Бытие 2:15.

⁷ Новый Завет. Откровение 11:18.

религия. Коран считает моральной нормой «к родителям – благодеяние, и к родичам, и сиротам, и беднякам. Говорите людям хорошее, выстраивайте молитву, приносите очищение»⁸.

Ислам, а также иудаизм обычно рассматриваются как религии, безразличные к природе. Так, Д. Андреев в «Розе мира» писал: «Еврейство... равно как и народы ислама, не столько стремились к борьбе с Природой, сколько проходило мимо нее. Семитическое чувство Природы вообще отличалось скудностью. Давно уже отмечено, как бедны были этим чувством авторы библейских книг и Корана сравнительно с теми, кто создавал великие эпопеи Эллады и, особенно, Индии»⁹.

Природа, понятая в смысле *рода*, в исламе получила благословение. Бедность же семитического чувства природы в иудаизме можно объяснить иным выражением пристального внимания к Богу. Богобоязнь проявилась также в нежелании дать даже малейший повод для обвинения в обожествлении природных стихий и человека. А это сделало невозможным развитие культа человека.

Идея возвращения человека к первоистокам и первослову как морально выигрышному состоянию может быть интерпретирована как желание верующих вернуться к собственным религиозным корням. Мусульмане в соответствии с этим общим правилом призывают вернуться к исламу времен Пророка.

Образ человека в исламе дается в контексте абсолютного всемогущества Аллаха. «Аллах – нет божества, кроме Него, живого, сущего, не овладевает им ни дремота, ни сон; Ему принадлежит то, что в небесах и на земле. Кто заступится пред Ним, иначе как с Его позволения? Он знает то, что было до них, и то, что будет после них; а они не постигают ничего из Его знания, кроме того, что Он пожелает...»¹⁰

Абсолютность Бога, выраженная в 256 аяте 2-й суры Корана, подтверждается и в 261 аяте, где сказано: «Я знаю, что Аллах мощен над всякой мощностью». Бог вечен, а всякая вещь гибнет, кроме Его лика. Он живет и мертвый. «Поистине Аллах – дающий путь

⁸ Коран. Сура 2, аят 76.

⁹ Андреев Д. Роза мира. – М., 2009. – С. 38.

¹⁰ Коран. Сура 2, аят 256.

зерну и косточке: изводит живое из мертвого и выводит мертвое из живого! Это вам – Аллах. До чего же вы оболщены!»¹¹

Аллах, согласно мусульманским представлениям, создал небо и землю для того, чтобы человек пользовался ими. В 6-й суре перечисляется все созданное Богом. Ставить вопрос о существовании вещей самих по себе бессмысленно, ибо ничто не существует без воли Аллаха и, следовательно, не может быть самоценным. Это означает, что нет никаких оснований для автономной морали, то есть для самоценного отношения человека к человеку.

Люди могут пользоваться плодами природы, но не должны забывать, что эти плоды принадлежат Аллаху. Другими словами, в Коране господствуют не деятельностные представления, а благоговение перед всем, что создано Богом. Если задать вопрос протестанту, в чем сущность этих конкретных яблок, он ответит: их сущность в труде земледельца. Если убрать этот труд, то и яблок не будет. Мусульманские же представления радикально отличаются от такого ответа на заданный вопрос: возможность того, что есть зерно, связана не с земледельцем, а с Аллахом. Без Бога не будет ни того, кто возделывает, ни того, что возделывается. Земля со всем тем, что на ней есть, принадлежит не человеку, а Богу.

С нашей точки зрения, это утверждение накладывает жесткие ограничения на произвольность действия человека и является морально оправданным. Выращивание плодовых деревьев, зерна, размножение скота обусловлено Аллахом, «который землю сделал для нас ковром, а небо – зданием, и низвел с неба воду, и вывел ее плоды пропитанием для вас»¹².

Хотя и мусульманская догматика метафизически производна, зависима от христианской, а также иудейской традиций, она создает новые возможности духовного развития человека в его отношении к природе.

В Коране говорится о чисто эстетическом восприятии природы человеком, выразительно передается и настроение человека в зависимости от природы. Например, «...или как дождевая туча с неба.

¹¹ Коран. Сура 6, аят 95.

¹² Там же. Сура 2, аят 20.

В ней – мрак, гром и молния, они вкладывают свои пальцы в уши от молний, боясь смерти, а Аллах объемлет неверующих»¹³.

Аллах не одобряет действия, ведущие к разрушению. Следует заметить, что исламское законодательство имеет морально-антропологическое наполнение. Исламское законодательство признает частное владение землей в том случае, если она обрабатывается, а если же нет, то человек теряет право на ее владение.

По мусульманским традициям, ни отдельный человек, ни группа людей, ни на региональном, ни на национальном, ни даже на международном уровне не могут эксплуатировать природные ресурсы так, чтобы это наносило ущерб процветанию других.

В рамках все возрастающего интереса к культурному наследию ислама постоянно усиливается внимание к его морально-правовому аспекту. Аллах есть свет небес и земли, Он в течение шести дней сотворил мир. «Он – тот, кто сотворил небеса и землю в истине в тот день, как он скажет “Будь!” – и оно бывает»¹⁴. Человек лишен возможности творческого созидания мира, и как бы ни старался, ничего хорошего создать не сможет. В моральном аспекте может оказаться эффективной идея Корана о том, что земная жизнь есть обманчивая утеха, тщеславие и желание отличиться богатством. Этот пессимизм часто становится причиной особой добродетельности некоторых верующих.

Современный ислам строго сохраняет верность традициям. Эта верность может пониматься как консерватизм в миропонимании ислама. Но все же жизнь современного мусульманина меняется в эпоху компьютеров, робототехнических и сложных технологических систем.

В отличие от христианского Нового Завета в Коране отсутствует понимание человека как венца творения, вершины всего созданного Богом. Эволюционизм несовместим с мусульманскими представлениями о мире потому, что в них нет кристаллизации опыта, «знающего» эволюцию.

В европейской традиции развивается концепция связей начала и конца, Альфы и Омеги через эволюцию (П. Тейяр де Шарден), признается и концепция перехода биосферы в ноосферу. Коран же

¹³ Коран. Сура 2, аят 18.

¹⁴ Там же. Сура 6, аят 72.

не видит никакой плодотворности в теории эволюции. Аллах начал с создания ангелов и джиннов, только затем Он вылепил из глины куклу и назвал человеком. «Вот сказал Господь твой ангелам: “Я создаю человека из глины. А когда Я его заверну и вдуну в него от Моего духа, то падите, поклоняясь ему”. И пали ниц ангелы все вместе, кроме Иблиса (сатаны), – он возгордился и оказался неверным»¹⁵. Иблис отказался поклониться тому, что сделано из глины, ибо сам он был сделан из огня. И сказал тогда Бог: «Выходи же отсюда; ведь ты – побиваемый камнями и над тобой мое проклятие до дня суда»¹⁶. По просьбе Иблиса Аллах отсрочил ему проклятие до дня, когда люди будут воскрешены. Эту отсрочку Иблис обещал использовать для того, чтобы соблазнить всех, кроме чистых. Бог же обещал наполнить геенну теми, кто пойдет за Иблисом. Таким образом, сотворение человека одновременно есть акт падения ангела, ставшего дьяволом.

Ислам не следует понимать как моральную и экологическую панацею. Однако эта религия в большей мере, чем христианство, способствовала сохранению традиционного общества земледельца, где решение проблем цивилизации осуществляется на уровне обыденной жизни.

А как отражены проблемы экологии в религиозных взглядах египтян?

В жизни египтян порядок был более важным явлением, чем хаос и беспорядок. В Древнем Египте извечный порядок мироздания связывался с культом богини Маат. На состояние порядка влияли циклические периоды разлива Нила. Жизнь египтянина неслась по кругу, в вечной смене разлива и отлива, дня и ночи, жизни и смерти. И хотя образное воплощение Маат в виде женщины с пером эквивалентно божественному пониманию происхождения тех или иных событий мира, в самом этом образе Маат было зашифровано все жизненное, поведенческое и личностно-событийное. Человек должен достигать гармонии с раз и навсегда заведенным порядком.

Понятие порядка связывалось с истиной, которая, в свою очередь, понималась не в европейском или аристотелевском смысле, не как соответствие, а как то, что обуславливает личное участие

¹⁵ Коран. Сура 38, аят 71–74.

¹⁶ Там же. Аят 78–79.

человека в устройстве жизни и того, что происходит после жизни. Такая вовлеченность человека в чувственно-сверхчувственный мир служила условием полноты бытия египтян, исключаящего дихотомию мира – субъект-объект – с ее экологическими проблемами.

В «Книге мертвых» древние египтяне создали образ суда Осириса¹⁷. Он зеленого цвета, цвета жизни. По зелени злаков, засеянных на месте погребения, узнавалось решение суда Осириса. Для этой цели натягивали полотно на рамку и плотно прижимали к земле, где по контуру фигуры бога высевались злаки. Поливать их должен был жрец. Если «Осирис» зеленел, то человека признавали бессмертным.

В Египте не признавали оппозицию между вечным и конечным. Все, что существует, связано с состоянием, а не с законами. Законы связывают то, чему свойственно возникновение или рождение. Рождение и смерть для египтянина означали одно: выйти за пределы бытия или войти в них. Изменяться могли лишь состояния, законы же неизменны.

Как известно, за десять тысяч лет своего существования Египет сменил три типа цивилизации: древнеегипетскую, коптско-христианскую и мусульманскую; три религии, письменность и даже один раз язык. Однако Египет не оставил нам информации о том, знали ли цивилизации, возникавшие на его территории, смысл экологических проблем. Никаких предупреждений об экологических опасностях они потомкам не оставили. Видимо, потому, что экологических проблем они не имели и не знали. Это обстоятельство делает историю цивилизации в Египте очень привлекательной для экологов. Истина в том, что там, где господствует порядок, жестко закреплённый в системе миропонимания и социального бытия, экологические проблемы не могут возникнуть.

Что касается Древней Индии, то там о миропорядке и поведении человека в мире мы находим совершенно иные представления. Древняя Индия выработала свой идеал взаимной связи человека и природы.

Весьма интересен опыт типологического изучения индийских варт. Еще в XIX в. жития святых были излюбленным домашним чтением в кругу семьи. Индийские варта передавали «живое зна-

¹⁷ См.: Мифы стран и народов мира. – М., 2009. – Т. 2. – С. 85–86.

ние», духовный подвиг святого, который есть проявление экологически чистой духовной атмосферы.

Не менее интересным с точки зрения экологии является ахимса, гилозоизм, то есть убеждение в том, что все является живым, которому нельзя причинять вред. Древняя Индия переносит человека к духовным основам бытия. Социальная нормированность, жесткость общественной структуры соседствует с понятием личной кармы, согласно которому нет ничего случайного в моральном мире. Каждый незначительный поступок имеет свое влияние на характер, поэтому у человека всегда есть выбор, а значит, и ответственность за будущее.

Закон кармы провозглашает ужасную судьбу для души, которая грешит даже в мыслях. Она погибает. Но через хорошие поступки и самодисциплину можно контролировать свои духовные тенденции. Что бы ни случилось с человеком в этой жизни, все есть результат его прошлых действий, поступков, совершенных в предыдущей жизни.

Карма заменяет Маат, она регулирует связь между жизнью и смертью человека, вечным и временным. Высшее без низшего является неполным. В отличие от диалектического понятия «снятие», разработанного в европейской культуре, в индийской не признается различие между тем, что из низшего удерживается в высшем, и тем, что не удерживается. «То, что находится наверху, не исключает того, что находится внизу, а дополняет его; отсутствие времени – это не противоположность времени...»¹⁸ Достигнуть человеческого уровня сознания – значит достичь осознания сопричастности с глобальным сознанием. На уровне глобального сознания исчезает собственное (личное) видение мира и наступает бессубъектное видение. Обыденное сознание – это сознание быта, это жизнь воспоминаниями и надеждами.

Глобальное сознание, или бессубъектное сознание – это осознание всеобщей любви, универсального понимания, которое возникает после онтологического преодоления человеком своего «я». После преодоления «я» к нему уже нельзя вернуться. В силу вступает необратимость преодоления. Мир «я» – это мир бездуховно-

¹⁸ Сатпрем. Шри Ауробиндо, или путешествие сознания. – М.: Деком, 2010. – С. 184–185.

сти, лени, стяжательства, хищнического отношения к (и в) природе. После преодоления «я» становится самоочевидной самоценность жизни и мира. Быть – значит становиться. Эта парадигма индийского мышления достигает сознания каждого человека в Индии.

Становление требует огромной энергии становящегося, постоянного возобновления усилий человека, которые он прилагает для того, чтобы достигать и, достигнув, удержаться на высоте совершенства духа. Даже сон является скрытой частью жизни сознания, жизни духа, постоянно воспроизводимых сознательных усилий человека по восхождению к бессубъектному состоянию, в котором нет выделенных точек и все равно и равнозначно: «я» равно «он», человек равен природе, а природа тождественна человеку. Не событие, а состояние за пределами бытия – идеал индийской культуры. Не мысль, а внемыслительное состояние совершенства вело человека индийской культуры по пути реализации его идеала. Для этой цели разработаны специальные психофизические упражнения, системы этих упражнений (йога, аскетическая практика и т. п.), сохранившие свою значимость по сей день, более того, получившие всеобщее признание, а с середины 60-х гг. XX в. (время контркультурного бунта на Западе) и массовое распространение в Америке, Европе, России.

Мысль, слово, логос рассматривались в качестве высшего предела возможностей человека только в европейской традиции. Сам человек понимается в Европе как высшее существо, как то, что «звучит гордо». Согласно же древнеиндийским представлениям человек не является предельной точкой эволюции мира. Человек – всего лишь «переходное существо».

Почему же современный европейский человек, рожденный и вскормленный рационалистической цивилизацией, так тянется к Востоку, к древнеиндийским мистическим практикам общения человека с природой – космосом? Отвечая на этот вопрос, необходимо обратить внимание на особенности древнеиндийской мыслительной традиции, а следовательно, и цивилизации.

Во-первых, это специфика метафизики Древней Индии, которая выражается в активности природы мыслителя по образу и подобию физиолого-психической деятельности организма человека и наоборот. Отсюда изначальная тождественность всего живого: от болот-

ной кочки до человека, а там и до мыслящего космоса рукой подать. Все едино и оживлено. Системы физических упражнений, которыми так увлекаются европейцы, изменяя по ходу дела факторы своего сознания, построены так, что начинаются с «отключения» сознания и сосредоточенного погружения в процессы своего организма, постепенно способствуя достижению желаемого результата – единения с космическим принципом, безличным и абсолютным Брахманом – Атманом.

Во-вторых, очищение организма от скверны внешнего мира наиболее притягательно для экологически настроенного европейца, потому что на этом пути он пытается обрести себя и найти Бога. Но не через христианское откровение (это сложно, слишком символично, слишком мистично и духовно), а через знание. Ведь древнеиндийская мистическая традиция не говорит об откровении (так как сокровенного нет в принципе), здесь нет тайной беседы по душам человека и Бога, как в христианстве, зато здесь есть знание, на которое делают ставку древнеиндийские учения о связях человека и космоса. Несмотря на подчеркнuto эзотерический характер этого знания, просматривающийся от Ригведы до Веданты и далее в философских и религиозных школах Древней Индии, оно ассоциируется у неискушенного европейца с научностью, оно созвучно научно-техническому типу его мышления и образу его жизни.

В Японии религиозные ценности связаны с традиционным обществом. В истории японского народа были созданы свои образы взаимоотношений людей и отношения человека к природе.

Эстетическое чувство – основа японского национального характера. Но если этикет культуры Китая не является достаточно прочной защитой от проблем экологии, то, видимо, и эстетическое чувство не дает гарантий для экологически безопасного состояния. Научно организованные технологии, нуждающиеся в сырье и порождающие отходы, нарушают жизненную среду и в Японии. Тем не менее опыт решения экологических проблем, то есть опыт, сопряженный с эстетикой, представляет интерес.

В Японии произошла сакрализация пространства. Одним из символов, отражающих связь человека с ритмической заданностью мироздания, стало хранилище риса, амбар, пространство вокруг

которого превратилось в подобие алтаря, где в жертву приносились ростки риса, а после сбора урожая устраивалось торжество. Бог воплотился не в человеке, а в пространстве, в его геометрии. Черта отделяет чёрта. Она, как символ, магическим запретом отгораживает хаос, средоточение враждебных сил, от пространства бытия человека.

Пространство поверхности символизирует связи человека и природы. В расширении пространства поверхности коренятся эстетические возможности японской культуры. Если в средневековой Японии зелень окружала лишь храмовые комплексы и элитные дома, и это была живая природа, то для простых людей природа воплощалась в букете, в развившемся искусстве бонсай – выращивании карликовых деревьев или бонэски – картинах природы, изображенных цветным песком на подносе. Поэтому для японца природа – это тысяча идеальных пейзажей. Эстетика любования является жизненной практикой японца, возникающей в результате расширения пространства.

В процессе жизнедеятельности человека все формы его сознания не могут находиться в состоянии полной изоляции друг от друга. Сознание человека остается в своей основе единым и целостным.

Сознание востока ориентировано в целом на миф. В нем доминирует моральное сознание. Личность на буддийском Востоке воспринималась не как сущность, а как линия, идущая из бесконечности... Человек в потенции – Будда, абсолютно совершенен, что и делает его центром, дает возможность воздействовать на жизнь во всех ее проявлениях.

Человек выводим здесь из Живого Космоса, тождественного природе Будды. В современном мире все зависит от человека и от темпов его морального развития.

Возрождение имманентной духовности мыслится на Востоке на пути развития морали.

Абстрактное мышление, присущее человеку, и все абстрагированное Восток рассматривает через конкретную моральную реальность. Восток убежден, что всемогущество разума привело к иллюзорному представлению о том, что не существует ничего выше сил самого человека. В результате цивилизация оказалась повергнута в морально-антропологическую катастрофу.

Для Востока в целом основанием человеческого существования является вовсе не экономика, не техносфера, а живая природа. Как говорит об этом Ж. Бо, «любовь к природе и всему натуральному – в душе каждого японца»¹⁹. Но именно в этом состоит качественное различие культур Востока и Запада.

На наш взгляд, вполне оправданно обращение каждого народа к своим собственным национальным корням, к языческому дорациональному типу мышления. В этом-то и может помочь художественная традиция Востока, связывающая человека с Живою Матерью-Природою посредством гармонии, а не посредством борьбы, конкуренции. Запад исходит из качественно иного, предметно-потребляемого расчлененно-мертвого мира. Восток одушевляет мир.

Четкое различие культуры Востока и цивилизации Запада необходимо вовсе не для их противопоставления, а для установления разделения труда в деле формирования человека качественно нового уровня развития, способного, исходя из восточных традиций любви к Матери-Природе, рационально-конструктивно помогать ей в ее дальнейшем эволюционном развитии в Ноосферу.

Осознание опасности антропологической катастрофы заставило многих исследователей обратиться к традиционным культурам Востока, в частности к культуре Китая.

По мнению специалистов, для Китая характерна культура, которая развивала не то, что сближает человека и природу, а то, что отличает его от природы. Это «вэнь», то есть узор. Иными словами, то, что в Европе называют цивилизованностью. Чем же тогда привлекает культура Китая? Стремлением достичь идеального порядка в обществе, то есть найти его отражение. Мир существует лишь постольку, поскольку он является отражением. Но сказать, отражением чего он является, нельзя, потому что в идеологии Китая, например в конфуцианстве, нет места для абсолюта. Поэтому в культуре Китая на первый план выступает Маска, кодируемая ритуалом, а также ритмом и церемониями. То, что европеец называет Богом, культура Китая вовлекает в обряд, в церемонию, в ритм природы. И в этом объединительном синтезе состоит экологический смысл.

¹⁹ Бо Ж. Японский урок. – М., 1994. – С. 34.

Экологическая мудрость культуры Китая заключена в идее непрерывности культуры, которая обеспечивается ритуалом. Ритуал является фундаментальной категорией культуры Китая. В него включаются этикет, учтивость, благопристойность, ритм, гармоничное действие, уместное поведение. Как Небу свойственны постоянные явления, Земле – постоянные формы, так человеку свойствен постоянный ритуал. В ритуале важна неизменность, постоянность. Благодаря постоянности ритуал удерживает противоположности в равновесии. Европа же ориентировалась на непрерывность мышления, которая обеспечивалась трансцендентальным субъектом, тем, что не существует.

Несуществование, или смерть, поддерживало существование «онаученной» культуры. Китай же не нуждается в идее смерти как некоем фундаментальном событии. Не было бы смерти, не было бы и истории, не было бы и примеров для подражания, не было бы и совершенномудрия. Нет ни одного, кто бы не ел и не пил, но мало тех, кто разбирался бы во вкусе, то есть обладал гармонией.

Быть целостным – значит нести в себе чувство ритма. А ритм и воспроизводит моральную мудрость бытия.

Что же касается Японии, как известно, она не приняла христианство и в момент распространения мировых экономических связей решила предпочесть полную самоизоляцию от мира. То есть, пожертвовав экономическими интересами, Япония решила сохранить то, что К. Юнг называет коллективным бессознательным, архетипом.

Япония предпочла традиционный тип связи «верха и низа», морали и права европейскому представлению о связи низшего и высшего. В первом случае имелись в виду долг и повиновение старшему, во втором – прогресс. Первое укрепляло государство, второе его расшатывало.

Для японца даже европейское понятие греха кажется упрощенным и грубым, ибо грех для него выступает как нарушение принципа избыточности красоты. Грех нарушать закон красоты, грех – это и отход от единства жизни вселенной.

Не овладеть природой, а проникнуть в нее старались японцы. Преобладание эстетического начала над нравственным имело и негативные последствия для формирования идеала человека в япон-

ской культуре, ибо оно формировало бесчувственность к страданиям и культ жестокости. Но эта жестокость – не жестокость Рима с его боями гладиаторов и не жестокость испанской корриды. Жестокость японцев не противоречила эстетике прекрасного. Все, что естественно, красиво. И наоборот.

С приходом на японскую землю буддизма изменилось отношение к миру. Отметим лишь тот смысл, который буддизм придает понятию «среда обитания». Уже в самой этой формуле даны не природа как таковая и не человек в отдельности от природы, а их слитность в мире, в который пришел Будда со своей проповедью спасения. Что это за мир? Это прежде всего люди, в нем обитающие.

«Среда обитания» обозначается в буддийских текстах терминами «сэкэн» и «кокудо». *Сэкэн* – это пространственный пояс людей с их делами и вещами. *Кокудо* – растения и животные, среди которых обитает человек. Иными словами, среда обитания понимается экологически и в первом, и во втором смыслах. Буддийская трактовка человека отрицает реальность «Я».

Срединный мир – это мир человека. Естественно заниматься повседневными делами с доброй совестью. Затем идут 6-й и 7-й миры, в которых слышен голос Учителя и человек впервые становится учеником. После них наступает мир тех, кто сам (без учителя) идет к просветлению, к нирване.

Те люди, которые жертвуют собой ради просветления других, составляют 9-й мир догматических построений буддийских философов. Последний мир – это мир Будды.

В среде обитания обитают и все эти десять миров, то есть сфера трав и деревьев (природы) является носителем всех возможных психических состояний, в которые попадает живое.

Таким образом, буддизм исключает противопоставление человека и природы. Но не принижает ли он тем самым человека? На наш взгляд, если природа рассматривается в качестве нашего друга, которому, как и нам, предназначено достичь состояния Будды, то с экологической точки зрения вряд ли здесь можно говорить о принижении человека.

Итак, синтоизм, дополненный буддизмом Махаяны, развивает эстетическое отношение к действительности, и в этом смысле он

безразличен к вопросам экологической этики. В Японии религия играет роль некоего клея, склеивающего общество в прочные традиционные социальные структуры. Именно эта прочность и делает японскую культуру восприимчивой к экологизации жизни, ибо она сохранила в себе многие черты земледельческой культуры. В этом смысле Япония скорее идет по третьему пути развития, нежели по европейскому. Она развивается в сопряжении с логикой национальной культуры, а этот путь наиболее приемлем с экологической точки зрения. А что касается проблем, катастроф, возникших сегодня в Японии, это убедительное опровержение мифа о том, что человек есть вершина природы, и доказывает включенность человека в естественный круговорот.

Подведем итог. Европейская культура ориентирована на метафизику деятельности. Бог европейца – чистое действие. Иудейский бог творит мир действием, деянием. Дао же производит мир недеянием. Непрактичное знание выше практического. Жизнь, пойманная словом, для Востока мертва. Именно поэтому верные слова не изящны, а красивые слова не заслуживают доверия.

Восток, переживая тщету словесного освоения мира, выработал две вещи: культуру молчания и неевропейский склад языка. На Востоке письмо не доминирует над голосом, а голос – над бытом. Всюду традиция и быт.

Таким образом, экологические проблемы (что на Западе, что на Востоке) – это не просто ошибки человечества, а нечто более фундаментальное. Они связаны с самим способом бытия человека. Фиксация тревожности экологической ситуации характерна для всех современных форм религиозности при всех тех различиях, которые заданы их многовековой историей.